

Лекция 5. Слухи как социально-психологическое явление и как орудие политической борьбы

1. Феномен слухов и его изучение

В предыдущих лекциях слухи неоднократно упоминались в связи с образованием и поведением толпы. Но все мы прекрасно понимаем, что значение этого социального и политического феномена выходит далеко за рамки уличных скоплений и беспорядков. Что такое слух, интуитивно кажется ясным, хотя в действительности это понятие вызывает немало путаницы. Энциклопедические и толковые (неспециализированные) словари связывают его^[3] с недоверностью, ложностью или непроверенностью информации.

Приведу два характерных примера.

Несколько лет назад было опубликовано социологическое исследование, завершившееся сенсационным выводом: «Чем выше уровень образования и выше материальный достаток, тем больше предрасположенность к слухам». Оказывается, автор, понимая под слухами «непроверенную информацию», задавал респондентам прямой вопрос о том, как часто они (респонденты) с ними (слухами) сталкиваются. Пенсионеры утверждали, что редко, а бизнесмены и ученые — что очень даже часто.

Приняв уровень критичности по отношению к информации за вовлечённость в процесс передачи слухов, социолог (А. Т. Хлопьев) построил на этих самоотчётах своё открытие, которое сам же назвал «социальным парадоксом».

Путаницу в беседах с неопытными журналистами. Так, один американский политик на вопрос, правда ли, что он собирается развестись с супругой, ясно ответил: «Этот слух распространяют мои недоброжелатели». После победы на выборах он развёлся-таки с женой. На обвинение же в том, что имело место предвыборное надувательство, его пресс-секретарь резонно заявил, что никакой лжи не было. Кандидат просто ушёл от бестактного вопроса, указав на то, что информация о его будущем разводе нигде официально не объявлена, а значит, это ещё был слух, притом недоброжелательный; вопроса же о том, насколько слух достоверен, журналист не задавал...

Бесспорно, слухи могут содержать недостоверную информацию, равно как и официальные сообщения. Но мне неизвестны серьезные исследования, доказывающие, что слухи недостоверны чаще. В первые дни Великой отечественной войны почтовые отделения по всей стране без разговоров принимали посылки в города, уже оккупированные немцами, чтобы опровергать «вредные слухи». А после Чернобыльской катастрофы украинские партийные власти из кожи вон лезли, чтобы разоблачить слухи об опасной радиации.

К этому вопросу мы ещё не раз вернемся. Пока же запомним, что, **вопреки расхожему словопотреблению, степень достоверности не имеет никакого отношения к тому, квалифицируем ли мы некоторую информацию как слух. Важно то, что она (информация) передается по сетям межличностного общения.**

Но, конечно, не всякий межличностный контакт, даже самый конфиденциальный, включает передачу слухов. Если вы сообщаете «на ушко подружке» о своем отношении или оценке общего знакомого (нравится — не нравится), или излагаете научную (философскую, религиозную и т.д.) концепцию, всё это не слухи. **Циркуляция слуха происходит тогда, когда вы сопровождаете оценки, мнения, отношения, планы и доктрины неизвестными собеседнику сведениями о предмете — факты из биографии того самого знакомого, нечто прочитанное в журнале и т.д.**

Таким образом, **для исходной дефиниции необходимы и достаточны два критерия: наличие предметной информации и канал, по которому она сообщается. Слух — это передача предметных сведений по каналам межличностного общения.**

Следовательно, **когда тележурналист, корреспондент газеты или митинговый оратор излагают сведения, подлинные или ложные, со ссылкой на «слухи», это суть сообщения массовой и публичной коммуникации. Когда же я рассказываю соседу о том, что вчера такой-то комментатор по такому-то каналу сообщил то-то — это факт межличностного общения.** Аналогично различаются адресованное письмо по обычной или электронной почте от листовки или сайта в «Интернет». При межличностном общении начинает действовать целый ряд специфических механизмов.

Надо ли доказывать, что феномен слухов не только известен с древних времен (до возникновения городов-государств выделять слухи в самостоятельную категорию информационных сообщений, наверное, бессмысленно), **но и издавна использовался в целях идеологической и политической борьбы, особенно в войнах.**

В книге крупного американского специалиста по психологической войне П. Лайнбарджера приводится неожиданный факт из истории России. В русских летописях и даже в современном русском языке сохранились свидетельства необычайной многочисленности монголо-татарских войск («тьма тьмушая»), хотя, согласно данным исторической демографии, они никак не могли быть столь многочисленны. По всей видимости, монгольские полководцы мастерски вели спецпропаганду, распространяя деморализующие противника слухи-пугала, разжигая по ночам гораздо больше костров, чем было практически необходимо и т.д.

Но систематическое изучение феномена слухов началось только после Первой мировой войны в США и в Германии. В Америке скоро появились коммерческие фирмы, специализировавшиеся на распространении слухов, где можно было заказать нужный сюжет в нужной аудитории, оплатив «услугу» по прейскуранту. Это делалось, например, в целях рекламы товара, или подавления конкурента, или борьбы с профсоюзом. Так, среди рабочих конкурирующего предприятия распространялся такой слух, который мог спровоцировать их на забастовку. Или, наоборот, хозяин, узнав о готовящейся забастовке на его собственном предприятии, заказывал распространение среди жён рабочих слуха такого содержания, которое подрывало доверие к профсоюзным лидерам и т.д. В Германии, где скоро пришли к власти нацисты, исследовательские работы в этой области были засекречены и приобрели гораздо более злобную направленность. Немецкие войска, а также их союзники активно и подчас весьма эффективно использовали полученные знания и рекомендации на фронтах Второй мировой войны (о чём я далее расскажу).

После войны секретные германские документы и специалисты перебазировались в Штаты (советское руководство подобные «благотупости» не заинтересовали). Упомянутая выше коммерческая деятельность была упразднена и законодательно запрещена, и работа со слухами сделалась прерогативой государства. Уже в 60-е годы, по оценке американских экспертов, пропаганда при помощи слухов, особенно во внешнеполитической деятельности, по своему значению была сопоставима с пропагандой через СМИ. Механизмы распространения слухов профессионально изучали в ЦРУ, в Пентагоне и в спецподразделениях американской армии. В посольствах работали специалисты, внимательно отслеживающие тематику, содержание и динамику слухов, циркулирующих в стране пребывания...

Почему же на изучение этого феномена тратится столько сил и средств? Важность такой работы обусловлена тремя обстоятельствами.

Во-первых, слухи — валидный источник информации об общественном мнении, политических настроениях, отношении к руководству, к государственному строю, к средствам массовой информации и т.д. Особенно возрастает роль этого источника тогда, когда иные методы сбора информации затруднены. Но даже при самой либеральной и благоприятной обстановке анализ циркулирующих в обществе слухов существенно дополняет картину, складывающуюся на основании более традиционных и, как правило, более опосредованных методов. Ибо люди не всегда склонны и готовы откровенно делиться своими мнениями и не всегда отчетливо осознают своё настроение и отношение к политическим событиям.

Во-вторых, слухи часто служат катализатором социально-политических настроений и событий. Поэтому их учет помогает прогнозировать процессы в обществе и обогащает опережающую модель ситуации.

Наконец, в-третьих, циркулирующие слухи являются активным фактором формирования настроений, мнений, а соответственно, поведения людей и вызываемых им политических событий. Таким образом, оперирование слухами — это дополнительный инструмент политического влияния.

Приведенные положения будут наполняться конкретными иллюстрациями по мере того, как мы ознакомимся с разновидностями слухов.